Вырезка из газеты
ВОЛЖСКАЯ КОММУНА
г. Куйбышев
29 НОЯ 1973

Близкий незнакомец Гамлет...

Театр

Это был действительно дерзкий эксперимент, когда гость города Куйбышева актер Щецинского театра (Польша) Вацлав Улевич выступил в спектакле Куйбышевского драматического театра имени А. М. Горького «Гамлет» в заглавной роли. Гамлет в эти вечера говорил по-польски.

Мы уже писали, что замысел этого эксперимента возник тогда, когда щецинский режиссер Иозеф Груда, поглядев наш спектакль, с удивлением и с радостью обнаружил сходство концепций «Гамлета» в постановке П. Монастырского и своего спектакля, который он поставил в Щецине. И вот Вацлав Улевич на нашей сцене.

...Спокойный, чуть отрешенный от всего юноша ходит по сцене. Странная, совсем не «гамлетовская» походка — походка замкнутого в себе, углубленного в свои мысли человека, не думающего об эффекте, который он произведет на окружающих. Воплощение флегмы и пассивности.

Но вот к нему обратились, его затронули, напомнили о том, о чем он сам мучительно и долго думает,— и он распрямляется, как согнутый лук. Страстный порыв, в котором отчаяние и бешенство, сомнения и уверенность установить справедливость, что бы это ему не стоило. «Дания — тюрьма»,— говорит он, и мы чувствуем в этих словах не рефлекторную риторику, а ледяную угрозу, в которой и решимость мужчины и юношеское отчаяние перед смертью.

Нет, это не тот Гамлет, к которому мы привыкли в исполнении Юрия Демича. Там характер рождался на наших глазах; пылкий юноша через душевную боль и сомнения обретал силу и стойкость, чтобы, посмеявшись над лживостью и юродью окружающего мира, потрясти нас своей смертью, сам факт которой — еще один аккорд складывающегося героического характера.

Гамлет Вацлава Улевича иной. Актер играет характер сложившийся и оформившийся. Жизнь подносит ему сюрпризы; проклятый двор уже им проклят, тут все под подозрением, но он еще верит. Верит, что Гертруда — мать, что Офелия — любимая, что друзья — друзья, а не шпионы короля. Даже в Клавдия он еще верит, ведь это его дядя!

Испепеляюще его разочарование. Актеру блестяще удаются эти сложнейшие сцены. Построенные по контрасту, они не только поражают нас колоссальным темпераментом актера, но одухотворены внутренним теплом задуманного характера — сцена «мышеловки», сцена с матерью, с молящимся королем...

Но вот все кончено. Все ясно. Месть? Нет, Гамлет не будет мстить. Он снова спокоен и замкнут. Но в его странной походке больше устремленности. Он не будет мстить, но он разрушит этот чудовищный мир, он доведет дело до конца.

И мы видим на сцене теперь уже деловитого работника, жреца и служителя добра, которому выпал удел отрубить голову злодейству и лжи и который хорошо понимает свое назначение.

Незнакомый Гамлет, но какой знакомый финал трагедии! Умирающий герой и высоко поднятое знамя борьбы за высокое предназначение человека. Смерть — и вера в бессмертие правого дела.

Какой знакомый финал, которому, право же, вряд ли надо удивляться, потому что «Гамлет» остался в сущности тем же нашим спектаклем, хотя перед закрытием занавеса на сцене лежал незнакомый, но уже такой близкий нам юноша, который предпочел смерть бесчестию.

Спасибо, Гамлет, спасибо Вацлав Улевич! От зрителей, от актеров, которые все превосходно играли в этот вечер и которым, я уверен, было так же жалко тебя, когда ты лежал одинокий на сцене.

Но у Гамлета всегда такой удел, иначе отчего б хорошела жизнь?

Е. ЖОГОЛЕВ.

□

На снимке: Вацлав Улевич в роли Гамлета.
Фото А. Боголюбова.